

принципиально значимым. Одной из факторов непрерывного переосмысления культуры считается «возможность её поливариантного осуществления, то, что в свою очередь обуславливается поступательной культурной дифференциацией общества на разных стадиях его формирования; фактором последнего считается автоматизация, индивидуализация образа жизни, концепций ценностей, вкусов и пр.» [5, с. 32].

Представление «культура» широко применяется в переводоведении. Текст приобретает культурологическое содержание следующими способами: 1) использование слов, содержащих культурный компонент в своем денотативном значении; 2) использование слов, содержащих культурный компонент в коннотации; 3) включение описания явлений культуры, культурно-исторических событий. Данные способы включения компонента культуры связаны со следующими переводческими трудностями: 1) явление чужой культуры не знакомо носителям переводящего языка (ПЯ), 2) аналогичное явление культуры по-разному оценивается разными народами. В последнем случае добиться эквивалентности перевода невозможно, поскольку невыполнимо главное условие эквивалентности – потенциально равноценное воздействие исходного текста (ИТ) и переводящего текста (ПТ) на своих адресатов. Выделяются две различающиеся стратегии передачи культурологического содержания исходного текста: 1) культура носителей ИЯ адаптируется к восприятию носителей ПЯ: смягчаются различия культур, резко специфическое заменяется более общим (генерализация) или сходным (адекватная замена): 2) читатель переносится в мир культуры носителей ИЯ: культурные различия порой даже подчёркиваются (использованием большого количества транслитераций). При использовании обеих стратегий используются явные и имплицитные разъяснения (примечания) переводчика.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что расхождение культур – более серьёзное препятствие на пути достижения эквивалентности перевода, чем расхождение языков, но его представление требует уточнения. Решение переводческих проблем, связанных с передачей культурного компонента текста, обусловлено правильным выбором адекватной меры сохранения в переводе элементов иноязычной культуры и допустимой меры их замены функционально аналогичными элементами собственной культуры.

1. Шафрин, Ю.А. Идиомы английского языка. Опыт использования / Ю.А. Шафрин. – СПб.: Антология, 2008. – 252 с.
2. Kroeber, A.L. and Kluckhohn, C. (1952) Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Peabody Museum, Cambridge, – MA, 181.
3. Хайруллин, В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: дис. ...д-ра филол. наук: – М., 1995.
4. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – М.: Ин-т «Открытое общество», 1998. – 241 с.
5. Гришаева, Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.В. Цурикова. – Воронежский государственный университет, 2004. – 424 с.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О СЧАСТЬЕ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Джумамырадова Г.Г.,

студентка 5 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Гречиго Т.А., канд. филол. наук, доцент

Пословицы и поговорки являются единицами паремиологии. Они восходят к фольклору, имеют исконно национальное происхождение. Паремии отражают этнокультурные особенности, опыт и мировоззрение народа, являются его духовным наследием. Компаративное сравнение паремий разных народов возможно только на базе их семантики. Их сравнительно-сопоставительное языковое изучение является актуальным на современном этапе развития лингвистики и имеет важное значение в лингвокультурологии.

Цель исследования – провести сравнительно-сопоставительный анализ паремий, раскрывающих понятие «счастье» в пословицах и поговорках русского, английского и туркменского языков.

Материал и методы. В качестве фактического материала для данного исследования послужили паремиологические единицы о счастье, бытующие в русском, английском и туркменском языках и зафиксированные в лингвистических словарях. Для проведения языкового анализа использовались такие методы, как описательный и сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. В русском языке слово *счастье* имеет несколько значений: 1. Чувство и состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью; 2. Успех, удача (преимущественно случайная); 3. Участь, доля, судьба [1].

В английском языке слова *happiness(n)* и *happy (adj)* употребляются в таких значениях: 1. Состояние радости; 2. Чувство или проявление удовольствия или удовлетворенности: чувство доверия и уверенности в человеке, договоренности или ситуации; удовлетворенность качеством или стандартом; готовность что-то сделать; 3. Удача и удобство [2].

В туркменском языке слово *bagt* имеет следующие определения: 1. Согласие в жизни, любовь к жизни; 2. Успех, авторитет, уважение [3].

В русском и английском языках нами выделены паремии, указывающие на абстрактные и конкретные причины счастья, чаще это наблюдается в английских пословицах: русск. *кто запашил, тот и счастлив; лад и согласие – первое счастье* – англ. *kindness brings happiness; the riches of the mind may make a man rich and happy, happy wife, happy life; if mama ain't happy, ain't nobody happy* [3; 5].

В русском и туркменском языках в большинстве паремиологических единиц понятие «счастье» описывается как стихийное, ничем не мотивированное явление: русск. *на счастье нет закона; счастье - не конь, хомута не наденешь* – туркм. *bagtlyny yzlama, bagt ýoluny yzla; bagtyň ýatsa, düýäň üstünde it ýarar; bagym bar, barym bar; bahanam akja bäbek, bildir bolsaň bolmaýamy; bahardaky hereket, güýzki – bereket; bahyl baruny bermez, ýok garap durmaz*. В этих же языках во многих паремиях счастье ассоциируется с удачей: русск. *счастливый и в огне не сгорит, и в воде не потонет; счастлив медведь, что не попался стрелку, счастлив и стрелок, что не попался медведю* – туркм. *edep bilen bagt tapylar, sabyr bilen – tagt. edepli ile ýarar; ederini bilmeze, ýagy ne hajat; edip beren ýeňňemden, edep beren ýeňňem; egil-egil diýlende dag eglipdir; egilene egil – maňlaýyň ýere degýänçä; gaýşarana gaýşar – ýeňsäň ýere degýänçä; egilmedige bükülme* [3; 4; 5]. Данные паремии указывают на желание русского и туркменского народов в понимании счастья полагаться на судьбу и удачу. Однако в исследуемых менталитетах в некоторых пословицах есть понимание и того, что счастья нужно добиваться самому и не надеяться на сверхъестественные силы: русск. *всяк человек своего счастья кузнец; счастье в воздухе не вьется, а руками берется* – туркм. *all happiness is in the mind; everyone is the maker of his own fate; çagasyzyň gözünde bagt uçguny bolmaz* [3; 5]. Соотносительные паремиологические единицы английского языка указывают на то, что англичане не доверяют стихийному счастью и случайной удаче, считают, что в них верят только глупые и ленивые люди: *luck and laziness go hand in hand; luck is the idol of the idle* [5].

Языковой анализ паремиологического материала показал, что в мировоззрении русского, туркменского, английского народов понятие «счастье» представляется мимолетным, проходящим явлением: русск. *у счастья – короткие ноги, у горя – каждый шаг семимильный; мое счастье разбежалось по сучкам, по веточкам* – туркм. *bagt daşynda däl, içindedir; bagt hemişelik bolanda bagtdyr, döwlet yrylmaz bolanda döwletdir, baýlyk halal bolanda bereketlidir* – англ. *luck has but a slender anchorage; luck never gives,*

it only lends. В английских поговорках редко фиксируется соотношение счастья и несчастья, в пословицах же русского и туркменского народов подчёркивается, что счастье часто влечёт за собой неудачи. После того как человек обретает счастье, он не может в полной мере радоваться, так как в дальнейшем его может ожидать несчастье или разочарование: русск. *счастье с несчастьем через между живут; счастье и несчастье на одном коне ездят* – туркм. *bagt, ykbal birbada berilyän dälidir; bagta zähmet bilen ýetilyändir* – англ. *fortune rarely brings good or evil singly* [3; 5].

Следует отметить, что в английских и туркменских пословицах и поговорках не рассматривается соотношение понятий счастья и зависти, что наблюдается в русских паремиологических единицах. Речь идет о негативном чувстве зависти в ответ на счастье другого человека: *завистливый по чужому счастью сохнет; где счастье плодится, там и зависть родится*. Нами отмечены также русские пословицы, в которых предпочитается понятие счастья любым другим благам: *правда – хорошо, а счастье – лучше; не родись красивым, а родись счастливым*. Англичане в данном случае предпочтут удачу: *an ounce of luck is better than a pound of wisdom; better be lucky born than a rich man's son*. Для туркменского народа счастье может иметь как позитивные, так и негативные последствия: *bagtlyny yzlama, bagt ýoluny yzla* [3; 4; 5].

Заключение. Таким образом, собранный и проанализированный нами фактический материал показал многообразие паремиологических единиц, посвященных теме счастья, в русском, туркменском, английском языках, помог определить в них соотносительные эквиваленты. Их сравнительно-сопоставительный анализ позволил определить основные сходства и различия в понимании счастья в русской, туркменской и английской культурах. Данные пословицы и поговорки отображают этнокультурную специфику и менталитет этих народов. Понимание счастья у данных народов во многом совпадает, несмотря на разные культуры и языковые системы, а выявленные различия указывают на самобытность этих наций и отличия в их мировоззрении.

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 917 с.
2. Словарь иностранных слов. – 18 изд. – М.: Рус. яз., 1989. – 624 с.
3. Berkeliyew, K. Nakyllar we atalar sozi / K. Berkeliyew; Magtymguly adyndaky edebiyat instituty. – Ashgabat: Turkmen Dowlet Nesiriyaty, 1961. – 218 с.
4. Фелицына, В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров; под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Рус. яз., 1980. – 240 с.
5. Proverbia et dicta: Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / пад рэд. Н.А. Ганчаровай. – Мінск: “Універсітэцкае”, 1993. – 255 с.

КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПОЭЗИИ В. ЦОЯ

Долгий М.В.,

магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент

Русский рок, который начал активно формироваться и распространяться по всему миру в период с 1970-2000-х годов, стал для людей не только музыкой, а прежде всего новой формой поэзии, а самое главное – новой формой религии. Советские граждане были лишены веры и духовности, но отдушиной светлой надежды культуры стал именно русский рок, который отличался не своим звучанием, а своим языком. Актуальность темы обусловлена неисчезающим интересом как к личности В. Цоя, так и к его поэзии, всестороннее осмысление которой ещё ожидает специальных работ.

Цель – изучив лирические тексты В. Цоя, определить специфику культурного феномена его поэтического творчества в контексте ценностных ориентиров эпохи.

Материал и методы. Материалом исследования послужили избранные произведения В. Цоя: стихотворения «Апрель» (1989), «Нам с тобой» (1990), «Муравейник»